

мафиозных структур. Взаимосвязь с политикой и средства дают представителям этого вида элит возможность влиять не только на принятие решений, а даже управлять сменой политических элит (Семьи).

К другим типам элит можно отнести верхние слои творческой и культурной интеллигенции. Но если в послевоенное советское время влияние этой группы было относительно сильным ввиду их протектирования в обществе и в партии, то в конце советской эпохи оно значительно ослабло. Сегодня эти культурные деятели стали скорее выразителями проецированной элитами национальной идеологии, чем влиятельной группой в политике или экономике (за некоторыми исключениями).

Если посмотреть на структуру местных элит в сравнении с другими регионами (и не только постсоветского пространства, а также особенно Ближнего и Среднего Востока), то структура элит Центральной Азии имеет несколько характерных черт. Прежде всего, исчезла или сильно трансформировалась традиционная элита (в отличие от до сих пор практически нетронутых *бадава* и *хадара* в мусульманских государствах). Если опереться на арабского историка Ибн Хальдуна, который четко определил специфику каждой из этих групп, то оказывается, что в Центральной Азии сильно ослабел прежде всего тип *бадава*, несмотря на существование казахских *жузов* или туркменских племен.⁵ Равно как и в соответствующих странах Ближнего Востока (Сирия, Ливан), центральноазиатские элиты представляют собой смесь традиционных и трансформирующихся элитных структур, которые,

совмещаясь друг с другом, создают конкурирующие между собой группы.

Статья написана при поддержке гранта Международной ассоциации развития сотрудничества с учеными Новых Независимых Государств бывшего Советского Союза (INTAS), Ref.Nr 04-79-72-84

1. Такого рода гибридные клановые системы имеют свои аналоги и в других регионах, напр. в Сирии или Ираке (партия БААС и традиционные семейные/региональные кланы). Однако в Центральной Азии пользовались местные элиты только частичной автономией.

2. Особенно это происходит например в Туркменистане, где хотя и раньше существовала совокупность племени и региона, седентаризация за последних сто лет привела к превалированию регионального идентитета с традиционными племенными названиями (лебапы с восточным Туркменистаном, правящие ахал-текинцы с центральным регионом страны и т. п.).

3. Можно например говорить о хорезмских или ферганских элитах в Узбекистане, однако часть этих исторических регионов сегодня лежит на территории других государств. В том же случае т. н. самаркандские и бухарские элиты уже давно не относятся к дореволюционным ханским или торговым элитам, тем не менее к элитам идентифицированным по национальному признаку (в этом случае к таджикам).

4. Кулиев, А.: Туркменская элита - взгляд изнутри. http://icas.org/articles/library/libr_rus_20_03_01_t.htm

5. Ибн Халдун: *Čas království a říší (úvod do historie)* [Время королевств и империй (введение в историю)]. Прага, 1972.

РОССИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГОМОМОРФОЗА

Н.А. Комлева

**Комлева
Наталья
Александровна**
доктор политических
наук, профессор
кафедры истории
политических
учений УрГУ

Гомоморфизм в широком понимании означает схожесть по форме, но различие по содержанию. Представляется возможным выделить и такое производное от гомоморфизма понятие, как «гомоморфоза», т.е. реальное проявление гомоморфизма в некоем объекте. В данном случае мы опираемся на пример О. Шпенглера, который ввел в научный оборот понятие «псевдоморфоза» для обозначения социального явления, о котором речь пойдет ниже.

Обращаясь к явлениям социальной жизни, мы замечаем присутствие гомоморфизма в целом ряде социальных феноменов. Гомоморфными являются, например, политические институты в различных цивилизационных системах и цивилизационные системы сами по себе. Так, любая цивилизация, в отличие от общества периода варварства, содержит сдерживающие нормы общественного и индивидуального поведения, запрещающие наиболее откровенные и грубые проявления

биологического в человеке. В рамках христианской цивилизации это всем известные заповеди «не убий», «не укради», «не прелюбодействуй» и т.п. Тем не менее, конкретные параметры каждой локальной цивилизации различны, в том числе и проявления общих культурных норм поведения. К примеру, христианин сочтет разрешенное в исламе многоженство формой прелюбодеяния.

В рамках политического процесса также отмечается явление, которое можно назвать политическим гомоморфизмом. Так, гомоморфными можно признать, к примеру, политические системы стран Запада и бывших республик СССР. Россия, Грузия, Казахстан и другие бывшие социалистические республики, восприняв форму политических институтов Запада, не смогли воспроизвести их суть, да и не имели базы для такого воспроизводства. Гомоморфизм не развился в изоморфизм, поскольку ни системного гражданского общества как основного контролера государства, ни диффузной частной собственности как базы его формирования в России и странах СНГ не было и быть не могло по причине различных условий формирования цивилизаций Запада и России.

Каковы же эти условия? Что именно обусловило развитие России как политической гомоморфозы?

Специфика политического процесса в России определяется особенностями исторического развития страны. Основной же особенностью исторического пути России, как представляется, является развитие через культурные катастрофы.

Культурная катастрофа, по нашему мнению, отличается следующими признаками:

- это насильственно проводимое политической элитой комплексное замещение одной культурной системы качественно иной, в историческом плане осуществляемое одномоментно;

- замещение сопровождается резкими взломами и потрясениями социума, множественными социальными конфликтами вплоть до гражданской войны.

Культурные катастрофы сопровождают всю историю России: к ним можно отнести крещение Руси, татаро-монгольское завоевание, реформы Петра Первого, революции 1917 г., реформы Горбачева-Ельцина. Большая часть их была вызвана попытками вестернизировать Россию, т.е. заменить ее матричную культуру западной моделью. Особенно привлекательны для политической элиты России были западные индустриальные технологии.

Постоянство присутствия культурных катастроф в истории России говорит, в частности, о том, что основной причиной этого явления служит перманентная необходимость своеобразной энергетической подпитки цивилизационной системы. Подпитка же необходима потому, что собственные источники развития «настроены на иную волну», они просто иные по качеству,

и постоянное считывание чужой (западной) цивилизационной и политической матрицы обеспечивает элементарное выживание в условиях, навязываемых извне более сильной и витальной цивилизацией, каковой является Запад.

Отчего же Россия веками смотрит на Запад, а российский политический процесс копирует преимущественно западные формы? Почему Россия является гомоморфозой именно Западной политической системы?

Во-первых, оттого, что Запад тоже христианский, слово «нехристь» для русского всегда означало человека иной культуры. Во-вторых, и это главное, не случайно правители России всегда отдавали приоритет индустриально-технической составляющей культуры Запада. Поликонфессиональная, полиэтническая, громадная по территории страна могла сохранить единство только с помощью милитаристского обруча. Необходимость развития силовых структур, прежде всего армии, вызвала к жизни и необходимость российской «догоняющей модернизации» в виде индустриализации по западному образцу при Петре, при Александре Втором, при Сталине, при Горбачеве.

Однако вестернизация в России принимала весьма своеобразную форму. Российская элита все время пыталась соединить принципиально несоединимые параметры: передовые индустриальные технологии и несвободу производящего индивида.

Причина несвободы производящего индивида в России коренится в формах собственности. Общинная собственность была основной для производящих социальных групп в течение длительного исторического времени. Основное средство производства, земля, принадлежало всей общине, но подвергалось регулярному переделу, часто ежегодному. Причем у крестьянина не было монолитного надела, он был разбит на «полоски». Выход из общины этим был чрезвычайно затруднен, но и уходя, общинник не мог выделить не только свой земельный пай, но и иную недвижимость - дом, поскольку он стоял на общинной земле. Дело было в том, что община была коллективным плательщиком налогов и осуществляла иные формы так называемой «круговой поруки». Следовательно, общине было крайне невыгодно терять плательщика, поскольку его платеж не отменялся, но перекладывался на оставшихся общинников, равно как и иные повинности.

В этих условиях гражданское общество, изоморфное западному, возникнуть не может: нельзя отстаивать то, чего не осознаешь и чего реально не имеешь. Основа же формирования и функционирования гражданского общества на Западе - необходимость защиты прежде всего реальной частной собственности как базы индивидуального благополучия. Чем больше и активнее развивается мелкая и средняя частная собственность на Западе, чем более массовым

становится постепенно слой среднего класса, ядром которого и является мелкий собственник, тем прочнее и влиятельнее становится гражданское общество. Собственник постепенно осознает, что для защиты одного права – права собственности – ему необходим целый комплекс прав: свободный рынок, свобода мировоззрения (конкуренция на рынке иногда принимает форму конкуренции религий, к примеру), политические права и свободы и т.п. Нет реальной частной собственности у значительной части населения (крестьян) – нет и осознания системности прав человека, как и осознанной постоянной потребности в защите этого комплекса прав, в создании и развитии структур гражданского общества.

Таким образом, в России – иная цивилизационная основа, чем на Западе (община, а не парцелла, несвободный товаропроизводитель, слабость рынка и товарно-денежных отношений как естественных регуляторов экономической жизни, слабое осознание необходимости постоянной защиты индивидуальных прав). В то же время после нескольких веков вестернизации наша страна отличается от соседей с Востока большей степенью индивидуализации личности, либерализации экономической и политической жизни. Политическая система России постепенно приобретала внешние черты политической системы Запада, почти полностью позиционировав себя как западная к концу 20 века.

Что общего между политическими системами Запада и России?

Плюрализм гражданского общества, парламентаризм, конституционализм, провозглашение России правовым демократическим государством в рамках Конституции РФ. Некоторые внешние черты правового государства в России присутствуют. Это формальное разделение властей, свобода информационного обмена между обществом и государством, верховенство закона и иные принципы, присущие правовому государству. Выборность власти на федеральном, региональном и местном уровне (пока не будем обсуждать, правомерна ли замена общенародного избрания глав регионов на парламентское), наличие референдумов, альтернативность выборов, всеобщее равное избирательное право, контроль над государством со стороны гражданского общества (партий, прежде всего) – это основные признаки демократического политического режима. Признаки демократии в современной России существуют, если, опять-таки, брать чисто внешние проявления.

Чем же отличается политическая система России от политической системы стран Запада?

При внешнем плюрализме и влиятельности гражданского общества на деле постоянно проявляется доминирование государства, а внутри него – исполнительной власти и силовых структур. Наблюдается декларативный характер законов

(президент Путин в одном из своих выступлений говорил о том, что четверть российских законов постоянно не исполняются), отсутствие законопослушания, двойственность политической морали. Важнейший признак правового государства – верховенство закона – осуществляется выборочно: размер имущества и должностной ранг приоритетно определяют меру ответственности перед законом. Законодательный суверенитет парламента, ненарушимый принцип правового государства, разбивается наличием указного права президента, закрепленного Конституцией. Наконец, главный признак демократии – контроль со стороны гражданского общества над государством – реализуется очень слабо по причине явной несформированности самого по себе гражданского общества. Последнее же прямо зависит от несформированности такого социального слоя, как массовый мелкий собственник-производитель благ. Призывы облегчить долю мелкого бизнеса раздаются двадцать лет. Кое-что сделано, но перелома в положении массового мелкого производителя нет. Поэтому продукция мелкого и среднего производителя в ВВП стран Запада составляет 80%, а в России – 11%. Отсюда и реальный экономический и политический вес среднего класса как базы гражданского общества, отсюда и слабость самого гражданского общества и его неспособность к реальному и постоянному контролю над государством.

При слабом гражданском обществе политический режим не может не быть авторитарным, т.к. суть этой формы политического режима – в доминировании государства над гражданским обществом. Другое дело – мягкая или жесткая форма авторитаризма существует на том или ином этапе развития страны.

Слабое гражданское общество приводит к социальной гипертрофии государства. В России это проявляется в форме государственного патернализма, т.е. стремления государства контролировать все основные параметры жизнедеятельности индивида, регламентировать все сферы общественной жизни. Государственный патернализм достиг наивысшего развития в советское время, когда ни работу, ни жилье, ни образование, ни лечение нельзя было получить иначе, чем через государственные структуры. В частности, патернализм порождал социальное иждивенчество у подвластных. В отличие от западного человека российский преимущественно ждет помощи властей в решении своих социальных и материальных проблем.

Слабость гражданского общества, неотдифференцированность интересов социальных групп ведет к слабости парламента как представительной (законодательной) ветви власти. Недаром в России парламента появляется поздно, в начале 20 века, на несколько веков позже, чем в Европе, и до сих пор не имеет законодательного суверенитета.

Если нет давления на государство через гражданское общество, подвластные могут корректировать политический курс властей только одним способом - бунтом. Предупреждение и подавление социальных бунтов ведет к гипертрофии исполнительной ветви власти с ее силовыми структурами.

Доминирование исполнительной ветви государства в политической системе и политическом процессе в России определяется также следующим:

- евразийский характер страны, ее исключительное ресурсное изобилие породили, в частности, возникновение постоянных военных угроз ее существованию как с Запада, так и с Востока; в этих условиях государство намеренно тормозило развитие гражданского общества;

- сочетание громадной территории с относительно малой плотностью населения, так что, по выражению С. Соловьева, для исполнения повинностей государство хватало подданного там, где оно его находило. В то же время подданный, вместо отстаивания своих прав по западному образцу и создания защитных структур гражданского общества, всегда мог уйти (и часто уходил) от социального и политического притеснения на свободные ресурсные земли, благо территория позволяла.

- сам характер развития русского города (именно город - сфера возникновения гражданского общества и системной оппозиции) иной, чем в Европе: на Западе город как средоточие свободных ремесленников и торговцев противостоял феодальному замку как воплощению несвободы, в России город и являлся местом пребывания феодала. Недаром на Руси ремесленники назывались посадскими, их именно насильно сажал на определенной городской территории князь. Насилие же было необходимо, поскольку ремесленники и торговцы бежали оттого, что князь произвольно изменял регулярность сбора и повышал размер податей с них. Какая же регулярная социальная защита (кроме бунтов) в условиях фактического подавления мелкого собственника как естественной базы развития гражданского общества? И как оно вообще может возникнуть в таких условиях?

- слабость российского рынка (вследствие неразвитости индивидуальной частной собственности в деревне), порождавшая необходимость в искусственных регуляторах экономической жизни.

Указанные факторы приводили в том числе к укреплению служилого сословия: как военного, так и гражданского. Громадный бюрократический аппарат отделил правящую элиту от населения. Отсюда коррупция – родное дитя бюрократии. Продажность, корпоративное преследование собственных интересов госаппаратом привели к тому, что в отсутствие гражданского общества подданные всегда видели в главе государства, как

бы он ни назывался, избавителя от притеснений бюрократии. «Царь хорош, да окружение его плохо» - эта норма до сих пор существует в российской ментальности.

Кроме коллективного бунта, есть и еще способ корректировки политического курса при слабом гражданском обществе - теневое влияние. Временщики, фавориты, «серые кардиналы» процветают в российской политике. Сегодня прибавились и такие формы теневой власти, как лобби и мафия. Иной раз невозможно понять механизм принятия властного решения, исходя из официального функционирования политических структур. Во многом бесконтрольная и теневая, и официальная власть имеет привилегии, под которыми мы понимаем фиксированные не законом, а подзаконными актами льготы. Привилегии именно в силу произвольности, бесконтрольности существования имеют тенденцию к постоянному расширению и росту. Привилегии способствуют «теневой управляемости» депутатского корпуса, представителей исполнительной власти, развращают судебную власть. Распределяющий привилегии теневой лидер, например, начальник общего отдела администрации некой властной структуры, фактически имеет власть большего объема, чем официальное должностное лицо выборных структур.

Геополитическая экспансия России как государства также является гомоморфозой геополитической экспансии стран Запада и Востока, сходной по форме, но не тождественной по содержанию. Результатом экспансии в географическом пространстве являются империи, т.е. государства, образованные методом силового захвата, управляющиеся из единого центра по единообразным законам, не признающим исключений и приспособления к местной специфике, а также эксплуатирующие (присваивающие безвозмездно) ресурсы покоренных окраин. Однако Российская, как и Советская, империя были не таковы. Ряд территорий присоединился к Российской империи добровольно (например, Украина, Грузия, земли мордвы и т.п.). Территории имели элементы самоуправления, иногда довольно значительно развитые. Так, Финляндия имела собственный парламент, Польша – конституцию, закавказские и среднеазиатские области сохраняли национальную и религиозную специфику в управлении. Элита покоренных и присоединившихся регионов входила в состав общероссийской элиты, а ее представители занимали видные и влиятельные места в структурах не только регионального, но и общероссийского управления. В Советской империи главной отличительной чертой было то, что именно русский народ, являющийся государствообразующим и имперским народом, не столько пользовался ресурсами окраин, сколько отдавал свои ресурсы, особенно финансовые, интеллектуальные и

демографические, для повышения уровня развития окраин.

Возможно, поэтому и причины, и форма, и последствия распада Российской и особенно Советской империй были качественно иные, чем при распаде западных и восточных империй. Распад на языке геополитики называется контракцией (буквально – сжатие). Логично предположить, что если экспансия (расширение) имеет ярко выраженную специфику, то и контракция (сжатие) – неизбежно ее сохранит.

Тем не менее, российская геополитическая гомоморфоза так же точно принимала вид «исторической псевдоморфозы», как ее определяет Шпенглер. «Историческими псевдоморфозами называю я случаи, когда чужая старая культура так властно тяготеет над страной, что молодая и родная для этой страны культура не обретает свободного дыхания и не только не в силах создать собственные формы выражения, но даже не осознает по-настоящему себя самое. Всё вышедшее из глубин начальной душевности изливается в пустые формы чуждой жизни, юные чувства застывают в старческие произведения, и вместо свободного развертывания собственных творческих сил только ненависть к чуждому насилию вырастает до гигантского размаха».¹

Русской псевдоморфозой Шпенглер, в частности, называет петровскую Россию, начало которой относит к основанию Петербурга. По аналогии с этим постсоветской псевдоморфозой можно, по-видимому, назвать государства постсоветского

пространства, предпринимающие ныне активные, но неуклюжие попытки освобождения от всего советского и русского.

Наконец, выскажем следующее соображение. Политическая гомоморфоза – это, в основе своей, результат цивилизационной неудачи, изначально меньшей степени выживаемости в сравнении с победителями, определяющими ход мировой истории. Подражание, уподобление – явления, вызванные необходимостью или желанием принять форму победителя, хозяина, стремление сыграть с ним на равных – но неизбежно по его правилам. Гомоморфоза – проявление слабости, стремящейся казаться силой, для того чтобы выжить и обеспечить себе оптимальные условия развития в условиях постоянной борьбы с более сильными обществами. Тем не менее, как показывает практика, бывают успешные и неуспешные варианты гомоморфоз. Успешная гомоморфоза – такая социальная и политическая система, которая на определенном этапе своего развития и функционирования сама становится хозяином, победителем, во многом определяющим ход мирового развития. Такова Россия 19 и 20 веков. Но гомоморфоза не бывает постоянно успешной именно потому, что вторична по отношению к своему гомоморфному прообразу.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2. Минск, 1999. С. 240.

г. Каменск-Уральский. 10. 04. 2005.

Презентация издательского дома «Дискурс Пи» в представительстве Гуманитарного университета. В центре - директор представительства, кандидат социологических наук Непрозванных Александр Леонидович